

Ольга АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

ПУТЬ

Ольга АДАМОВА-СЛИОЗБЕРГ

ПУТЬ

М о с к в а
"Возвращение"
1992

ПОЭТЫ - УЗНИКИ ГУЛАГА

Малая серия

3

ОБ АВТОРЕ

Ольга Львовна Слюзберг родилась в 1902 году в Самаре, умерла в 1991 году в Москве. Многие ввели 89 лет ее жизни.

Спокойное детство в Самаре. Потом революция. Московский университет. Юность далеко не легкая, но полная надежд, как и у многих ее сверстников.

После окончания университета Ольга Львовна работала экономистом, была увлечена своей работой. Вышла замуж за Юдея Рувимовича Закгейма - блестящего педагога, преподавателя университета. Родились сын и дочь.

Все оборвалось в марте 1936 года. Мужа арестовали, в октябре он был расстрелян. В апреле арестовали и ее. Обвинение: подготовка покушения на Кагановича. Три года тюрем - в Москве, на Соловках, в Казани, в Суздале; потом - Кольма.

Выдержала. В 1944 году освободилась, приехала в Москву. Оставила детей шести и четырех лет, когда вернулась - им было шестнадцать и четырнадцать. Три года в Москве без прописки под страхом ареста. Дети окончили школу с золотыми медалями, но их не приняли ни в университет, ни в педагогический институт. Слава Богу, приютил Менделеевский институт - прибежище многих им подобных.

В 1949 году - снова арест, Бутырки, ссылка навечно в Караганду.

Вечность ссылки окончилась в 1955-м. В 1956-м реабилитированы и муж, и она, и Николай Васильевич Адамов - второй муж. С этих пор Ольга Львовна жила в любимой семье - редкое счастье для людей ее судьбы.

Еще в 1946 году Ольга Львовна начала писать воспоминания, над которыми работала многие годы. В 1989 году фрагменты ее мемуаров "Путь" опубликованы в "Дружбе народов", а затем они составили значительную часть сборника "Аоднесь тяготее". И сразу - масса откликов, писем, звонков. Сознание, что она нужна людям, было последней отрадой в жизни Ольги Львовны.

Представленные здесь стихи написаны в тюрьмах и лагерях.

А.Ю. Закгейм

ИЗ ТЬМЫ

Пронзает сердце острая игла...
Все та же камера, все то же пробужденье.
В окно через решетку льется мгла,
И знаменует утра приближенье.
Четыре бьет. Настал мой час томленья.

Но час проходит. В пять уже светло.
Беру французский вычурный роман
И уношусь под небо дальних стран,
Где жизнь легка и где всегда светло.

Там женщины нарядны, точно птицы,
Там о любви мужчины говорят,
Там героине, верно, не приснится
Ни эта камера, ни этих прутьев ряд,
Ни дверь с глазком, ни черная параша,
Там на оправку не приходят звать...

Но в самом деле уж пора вставать.
Бьет шесть, гремят замки... Эх, жизнь -
жестянка наша!..

День тянется, как нагруженный воз.
Обед. Прогулка. Книги. Разговоры.
Порой случайные бессмысленные споры.
И, наконец, событие - допрос.

И снова ночь. И снова предо мною
Воспоминания проходят чередою.

И не могу я прошлому простить!
Как мало сделано! Как мало я жила!
Ужель конец? Нет, слишком рано.
Моя душа - одна сплошная рана.
И страстно, страстно хочется мне жить.

Лубянская тюрьма
5 мая 1936 г.

ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Когда ниже упасть нельзя,
Когда все потеряно,
Познается цена вещам,
Словам и верованиям.

Если зажжется во тьме
Факелом сердце горящее,
Значит, навстречу мне
Встало **Н а с т о я щ е е**.

Жалость, сильнее, чем боль,
Сильнее, чем жажда жить,
Нас повенчала с тобой...
Это ли, друг, забыть?

Крепко проверено мной:
В страшный судный час,
Девочка, мальчик мой,
К вам душа рвалась.

В час, когда руку дать -
Значило - вместе пасть,
Не усомнилась я в вас,
Сестры, отец и мать.

Если в этой тьме
Сердце рванется спящее,
Значит - даже тюрьме
Не убить **Н а с т о я щ е е.**

1936 г.

КНИГИ

Когда ночами мучима тоской,
Ища напрасно отдых и покой,
В пережитом ответа я искала:
Что жизнь мою и гибель оправдало?
Когда я видела, что целый свет
Враждебен мне, что мне опоры нет,
Чтоб смертную тоску от сердца отогнать,
Я принималась в уме перебирать
Стихи любимые. Сквозь тьму веков, сквозь
дали,

Сердца родные сердцу вести слали,
И отзывались слова в душе унылой,
Как ласка друга, трепетною силой.
В реке поэзии омывшись душой,
Я снова силу в жизни находила:
У Пушкина гармонии училась,
У Кюхельбекера — высокой и прямой
Гражданской доблести, любви к искусству
И чистой дружбы сладостному чувству.
Веселой радости в безжалостном бою,
Бездонной нежности и мужеству терпенья
Училась у насмешливого Гейне,
Свободе жизнь отдавшего свою.

И Лермонтов, могучий, мрачный гений,
Мне раскрывал весь мир своих мучений.
И вас, учителя людей, я вспоминала,
Ромен Роллан и Франс, Тургенев и Толстой,
В мир ваших мыслей погружась душой,
Я горькую печаль свою позабывала.
И с человечеством вновь через вас родня,
Гнала ночной кошмар и шла навстречу дня.

1936 год. Бутырская тюрьма

* * *

Душа спала. Не раз в тиши ночной
Любимый мой в мои стучался двери...
Я не открыла, сердцу не поверив,
И он ушел, печальный и немой.

И он ушел. Лишь звук его шагов,
Стихающих на каменной дороге,
Узнала я. Откинула засов,
Но друга не было у моего порога.

Так жизнь - как друг, ушедший в темноту,
Перед которым я навеки виновата...
И страшно в час итогов и расплаты
Вокруг себя увидеть пустоту...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сегодня такое синее небо,
Такой золотой, ослепительный свет,
Как будто пятнадцати лет не было,
И вчера мне исполнилось двадцать лет.

Как будто, свернув на затылке косы,
Я к Волге бегу босиком с горы,
Ловя золотисто-синие отсветы
Ее холодной стальной игры.

Такая свобода, такая прохлада,
Такой простор молодому телу,
Что даже сейчас запоздалая радость
В сердце певчею птицей запела...

И в этот день, золотой и синий,
Среди соловецких зловещих стен
Я вижу песков разметавшихся линии
И вязов прибрежных зеленую сень.

Пускай потери непоправимы,
Ошибки искать и считать я устала,
Навеки то, что было любимо,
Солнечным светом в душе осталось.

Соловки,
1 августа 1937 г.

БЕССОНИЦА

Соловецкая белая ночь,
Тени башен на окна нависли.
Я устала в мозгу ворочать,
Точно камни, тяжкие мысли.

Когда сердце, искавшее чувств,
Настоящей тоски не знало,
Мне изысканной нежной грустью
Было сладко себя печалить.

А теперь в душе тревожной
Слишком много запретных мест.
Лодку мыслей веду осторожно,
Чтоб на риф или мель не сесть.

Только вспомнишь о дальнем мире,
Точно жало до сердца дотронется.
Меж камней осторожно лавируя,
Я себя вывожу из бессоницы.

Жажда жизни с тоскою борется,
Отгоняя ненужные мысли.
Это значит: большое горе,
Точно жернов, на шее повисло.

Это значит, что, стиснув зубы,
Я решила терпеть и ждать...
Чайки стонут тоскливо и грубо.
Ночь проходит.

Надо спать.

Соловки,
1937 г.

МЫ ИДЕМ ИЗ БАНИ

Мы шли понуро, медленно, без слов.
Серели в сумерках цепочкой силуэты.
А на небе малиновым рассветом
Окрашивались стайки облаков.

Еще молчали сонные дома,
Был воздух тих и сказочно прозрачен...
Но безнадежно каменно и мрачно
Смотрела Соловецкая тюрьма.

И прежде чем войти в окованную дверь,
Мы все взглянули в радостное небо...
Да, жизнь — непонятый и нерешенный ребус,
Цепь горестных ошибок и потерь.

СОЛОВКИ. ОДИНОЧКА

Я живу, как во сне.
Вкруг меня и во мне
Этот тусклый рассеянный свет без теней
Много дней, много дней, много дней...

Слышу шум за стеной осторожных шагов,
Да задушенный шепот глухих голосов,
Да еще иногда
Громыханье замка,
Да шуршанье проклятых волчков.

Я живу, как во сне,
И мерещится мне,
Что лежу я на илистом дне,
Под холодной тяжелой зеленой водой,
И идут корабли надо мной.

Высоко наверху волны бьют в берега,
Летом солнце палит, а зимою снега,
Ветер яро кружит по волне...
Но царит тишина в глубине.

Высоко наверху моя бедная мать
Не устанет меня громким голосом звать.
Громкий голос доходит до самого дна,
Где в бессильи лежу я одна.

Мама, дочку свою не зови, не томи,
Мама, бедное сердце уйми!
Не могу я проснуться, здесь нечем дышать,
Не терзай себя, бедная мать!

Я живу, как во сне.
Вкруг меня и во мне
Этот тусклый рассеянный свет без теней
Много дней, много дней, много дней.

Соловки
1937 г.

7 НОЯБРЯ 1937 ГОДА

Седьмое ноября. Чугунная решетка
На небе голубом обрисовалась четко...
Я в этот день с тобой, моя страна!
Я в этот день с тобой; пока душа полна
Любовью, нежностью, тревогой за тебя -
Я не одна.
И в этот день из тьмы, со дна
Мысль первая и первое желанье -
Тебе цвести в красе и ликование.
Вторая мысль - о вас, любимые мои,
Простите мне отравленные дни.
Вам я желаю силы и терпенья
И гордого и мудрого смиренья...
А для себя - свободы и покоя.
Идти бескрайнею дорогой полевою
Под небом синим, солнцем золотым,
В ночной туман, передрагсветный дым...

Быть снова дочерью страны родной своей,
В труде и радости быть вместе с ней.
И, может быть, хотя в конце пути
Тебя, мой бедный, дальний друг, найти.

Соловки

* * *

Тюремный длинный день. Лежу на койке жесткой.
Взгляд заколочен стенами в тиски.
Курю. И сквозь дымок от папироски
Перебираю памяти листки.

Я вспоминаю ночь, когда
Шуршала гравием тяжелая вода,
В безлунной высоте роились звезды.
Акации пресыщенные гроздья
Точили волнами тяжелый аромат.

Я на берег морской, покинув сад,
Сошла сквозь стрекот обезумевших щкад.
И помню я влюбленный взгляд,
И дрожь сухих горячих рук,
И сердца стук.

И больше ничего. Лежу на койке жесткой.
Взгляд заколочен стенами в тиски.
Курю, и сквозь дымок от папироски
Перебираю памяти листки.

Соловки

Лето 1938 г.

СУЗДАЛЬ

На золотом шелку небес
Лиловые клубятся тучи.
Раскинул паутину сучьев
Весенний обнаженный лес.

Горит парчевая заря.
На бледном золоте заката
Чернеет темная громада
Старинного монастыря.

Недвижен воздух. Силуэты
Мелькают галок и ворон.
До странности похоже это
На старый позабытый сон.

Четыре века в этой келье
Затворницы влачили дни,
На золотой закат глядели
Из этого окна они.

Чернели те же колокольни
На бледном золоте небес.
И так же сердце билось больно,
И так же жаждало чудес.

И я, живя в стране Советов,
Заклочена в монастыре.
Гляжу на те же силуэты
На потухающей заре.

Читаю, сплю, гляжу в окно,
Стихи слагаю безыскусно.
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.

Суздаль
1938 г.

* * *

Не может быть, чтоб в этот час
Шумел зеленый лес и шелестело поле,
Чтобы на Волге в радостном приволье
Переливался голубой атлас...

Не может быть, чтобы девичьих глаз
Доверчивы и ясны были взгляды,
Чтобы пестрели красками наряды,
И сердце не давила мгла...

Не может быть. Решетка на окне,
Да дверь с глазком - вот где границы мира.
Сердца людей беспомощны и сиры,
И воли нет. Мне легче в этом смутном сне.

Но как мучительно, как страшно пробужденье,
Когда, как светлое виденье,
Мелькнет улыбка детских уст.
Вновь яблони цветут, благоухает ветер,
Росой омыт сирени куст,
Все радостно, все трепетно на свете.

Нет, жизнь не кончена. То я одна
Во тьму зловонную погружена,
Я задыхаюсь, не могу вздохнуть...
О Боже, как тяжел мой путь!

Казанская тюрьма, 1938 г.

В ЭТАПЕ

Ели, мох да столбы верстовые
Сквозь решетку вижу из окна,
Да порой березки молодые
В завитках зеленого руна.

За окном бегут селенья, нивы,
Темные колышутся леса.
Прежнего смелей и горделивей
На реке белеют паруса.

И, впивая с нежностью и болью
Взглядом эту радость, этот блеск,
Думаю: ужель в таком приволе
Для меня нет места на земле?

1938 г.

ПЕСНЯ

Нас уносит тюремный вагон
Сквозь поля, сквозь леса по этапу.
Жизнь и радость, как призрачный сон,
Убегают с полями на запад.

На пригорках мелькают дома,
В окна смотрят свободные люди,
Не нависла над ними тюрьма...
Поглядят на вагон - и забудут.

Нас уносит вагон на восток
Проторенной дорогой страданья.
Нашей жизни печальные строки
Мы допишем в печальном изгнаныи.

Быстро мчится тюремный вагон
Сквозь поля, сквозь леса по этапу.
Жизнь и радость, как призрачный сон,
Убегают с полями на запад.

1938 г.

ЗАВИСТЬ

Они летят. Они летят на юг.
А я осталась,
 подстреленная птица, на земле.

Я вижу молодость свою
В застывшей мгле.
На синем юге, на далеком юге
Купаются в живительном огне
Мои крылатые подруги.
 Какой холодный снег...

Кольма

1939 г.

МАМЕ

Дойти, доползти, довлачиться,
Уткнуться в родные колени,
Уткнуться в родные колени
И плакать иль, может, молиться?

Одна мне отрада на свете,
Боли моей утешенье,
Уткнувшись в твои колени,
Плакать, как плачут дети.

Не имут мертвые сраму,
Погибшей - одно утешенье:
Священное имя Мама
Шептать у твоих коленей.

Кольыма
1940 г.

ДОЧЕРИ

Ты цвела, золотой мой лютик,
Как цветок на стройном стебле.
Про тебя говорили люди,
Что легко ты пройдешь по земле.

Я легко тебя родила,
И вскормила тебя без труда.
Оттого тебя и любила
Я легкой любовью тогда.

Но полмира легло между нами,
И приходишь ты только во сне.
Голубыми большими глазами
Ты светло улыбаешься мне.

И походкою быстрой и легкой -
Это снится мне каждую ночь -
Темно-русой кивнув головкой,
Беззаботно уходишь прочь.

Нету голоса, нету силы
Воротить тебя, удержать...
Вот теперь тебя полюбила
Настоящей любовью мать.

СЫНУ

(В день двенадцатилетия)

Печаль мою не выплакать в слезах,
Не выразить холодными словами.
Она на дне души, как золото в песках,
Лежит, не тронута годами.

Никем не тронута, не ведома лежит
Неразделенным мертвым кладом,
И душу, словно камень, тяготит
И отравляет острым ядом.

О, если бы из золота печали
Я выковать могла чеканный стих!
О, если б он ушей твоих достиг
Сквозь мрак отчаянья, сквозь дали!

Кольма

10 февраля 1942 г.

Эти стихи не предназначались для публикации.
Я слагала их потому, что записывать было нельзя.
А хотелось запомнить, унести в будущую жизнь
(а вдруг она будет!) Она наступила. Может быть,
кому-нибудь будет интересно прочесть их, как
дневниковые записи, как свидетельские показания
долгих, бесконечно долгих лет заточенья, бестравия.

1988 г.

Ольга Адамова-Слюозберг

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Из тюрьмы	5
После приговора	7
Книги	9
"Душа спала..."	11
День рождения	12
Бессоница	14
Мы идем из бани	16
Соловки. Одиночка	17
7 ноября 1937 года	19
Тюремный длинный день	21
Суздаль	23
"Не похотеть быть, чтоб в этот час..."	25
В эдаке	27
Песня	28
Зависть	30
Маме	31
Дочери	32
Сыну	34

7.04.1992 Тираж 500 экз.
/Второй завод IOI-500/

1936 rog

